

# ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 930

*Б.В. Архипов, Т.В. Козельчук, В.В. Меншиков, И.С. Меншиков, С.В. Путилин*  
Курганский государственный университет,  
Курган

## СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО И ЗАДАЧИ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

**Аннотация.** *Статья посвящена проблеме соотношения современного понимания исторического знания и задач исторического образования, которые заключаются в ретрансляции исторического знания, формировании научного исторического сознания, формировании национальной (общегосударственной) или цивилизационной идентичности и формировании толерантности как способности понять другого.*

**Ключевые слова:** *историческое образование, историко-культурный стандарт, принцип историзма, толерантность.*

*B.V. Arkhipov, T.V. Kozelchuk, V.V. Menshchikov, I.S. Menshchikov, S.V. Putilin*  
Kurgan State University, Kurgan

## MODERN SOCIETY AND OBJECTIVES OF HISTORICAL EDUCATION

**Abstract.** *The article is devoted to the problem of the correlation between the modern understanding of historical knowledge and the tasks of historical education, which consist of the retransmission of historical knowledge, the formation of scientific historical consciousness, the formation of a national (nationwide) or civilizational identity and the formation of tolerance as the ability to understand the "other"*

**Keywords:** *historical education, historical and cultural standard, the principle of historicism, tolerance.*

Современное российское общество уже более двадцати лет находится в переходном состоянии, будучи в постоянном поиске новых ориентиров своего развития. Политические и интеллектуальные элиты России постоянно поднимают вопрос в общественном пространстве о возможности формирования так называемой национальной идеи, которая и стала бы своеобразной путеводной звездой нашего развития. Но до сих пор ничего общепризнанного из этого не вышло. Однако стали достаточно очевидными некоторые важные сопутствующие обстоятельства.

Во-первых, несмотря на кризис исторического сознания, переживаемого во всем мире, у нас в стране понимание значения истории и истори-

ческого образования для общественного развития определенно увеличилось. Это, в частности, выразилось в том, что министром образования и науки в прежнем правительстве стала профессиональный историк, профессор и доктор наук. Именно она некоторое время назад предложила сделать историю наряду с русским языком и математикой обязательным экзаменом в рамках ЕГЭ. О.Ю. Васильева в ранге министра просвещения, видимо, продолжит усиливать значение истории, но уже в рамках средней школы. На фоне проблем, стоящих перед страной на современном этапе развития, большое значение приобретает школьное историческое образование.

Во-вторых, длительные дискуссии о необходимости создания единого учебника по истории для школы все-таки дали свои плоды. К 2016 г. усилиями Российского исторического общества и представителей академических институтов был создан так называемый историко-культурный стандарт, легший в основу трех рекомендованных министерством учебников для школы.

В-третьих, существенный подъем российского краеведения в 1990-х гг. вылился в появление так называемого регионального компонента в системе школьного исторического образования в настоящее время.

Еще раз отметим, что вышеуказанные обстоятельства оказывают принципиальное влияние на современное понимание роли исторического сознания в обществе и задач исторического образования. К его основным задачам традиционно относятся трансляция исторического знания и «научение жизни», то есть воспитание на исторических примерах. Кроме того, история обычно является и идеологически нагруженным предметом, в задачу которого входит воспитание определенной системы взглядов и оценок.

Для российской школы с начала 1990-х годов последняя задача становится почти нереализуемой по причине отказа от марксистской идеологии и возникшего по этой причине идеологического плюрализма (или вакуума?). В таких условиях становится необходимой постановка вопроса о задачах школьного исторического образования. Наиболее важные задачи, на наш взгляд, можно сформулировать следующим образом (отметим, что мы не претендуем на исчерпывающий список, а лишь отмечаем наиболее существенные на данный момент):

- ретрансляция исторического знания;
- формирование научного исторического сознания (исторических представлений),
- формирование национальной (общегосударственной) или цивилизационной идентичности;
- формирования толерантности как способности понять другого.

Ретрансляция исторического знания является традиционной задачей исторического образования, однако ставит вопрос об отборе транслиру-

емого знания, который не может быть произведен в отрыве от других целей образования. Объем передаваемого знания, отбор фактов, их оценка – все это может быть разрешено только при максимально четком ответе на остальные вопросы. При этом следует иметь в виду, что независимо от него количество в обязательном порядке изучаемых фактов должно быть достаточно жестко ограниченным, так как в противном случае мы придем лишь к бездумному заучиванию имен и цифр.

Необходимость формирования идентичности, пожалуй, не оспаривается, однако здесь встает вопрос другого рода: а какая идентичность должна формироваться? Этническое или политическое единство должно лежать в ее основе? Если говорить о первом, то в условиях нашей многонациональной страны становление национальной идентичности представляется путем тупиковым, хотя именно этот путь отчасти реализуется через введение регионального компонента в базисный учебный план. С другой стороны, сложно провести грань между сохранением и передачей национальной культуры национальной идентификацией, которая будет препятствовать общероссийской. Провозглашение в качестве основной цели, прежде всего, политического единства требует безусловного принятия общего для страны самоназвания «россиянин» и практически наверняка столкнется с противодействием националистов и части национальных элит. Кроме того, это неизбежно потребует расстановки новых акцентов в курсе отечественной истории в школе, так как необходимо будет выделять, прежде всего, факты и события, подчеркивающие общее историческое прошлое народов России. Кстати, как нам представляется, именно это обстоятельство в значительной степени было реализовано в упомянутом нами историко-культурном стандарте. В частности, среди сформулированных авторами «спорных вопросов» есть подобные дословные формулировки, например, о древнерусском наследии как общем для народов России, Украины и Белоруссии.

С вопросом формирования общероссийской идентичности очень тесно связана проблема формирования толерантности. Сам термин «толрантность» во многих словарях и учебниках в нашей стране сводится к понятию «терпимость», что является, как нам представляется, не совсем верным. Резолюция 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 февраля 1995 года определяет толерантность как способность и стремление понять иную культуру и образ мыслей, способствовать утверждению прав человека, но не путем отказа от собственных взглядов и убеждений [1]. Формирование такого отношения возможно только на основе высокого уровня образования и культуры личности, так как предполагает в том числе и четкое осознание важности развития культуры на основе взаимодействия с культурой другого, воз-

можностей ее обогащения и значимости для ее сохранения.

Постараемся определиться с термином «историческое сознание». В 1982 году в свет вышла книга доктора философских наук А.И. Ракитова, посвященная вопросам исторического познания. В ее первой главе дается определение исторического сознания с точки зрения марксистской философии: «соотнесение стабильного и изменчивого, длительного и кратковременного во всех социально значимых феноменах превращается в историческую форму общественного сознания... все многообразие стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых общество осознает (воспроизводит и оценивает) свое прошлое, точнее, в которых общество воспроизводит свое движение во времени» [2].

Представитель философии экзистенциализма К. Ясперс отмечает следующие черты исторического познания: всесторонность, точность исследовательских методов, отсутствие целостного понимания истории, преодоление чисто эстетического отношения к истории, нерасторжимость истории и настоящего. При этом он замечает: «Смысл нашей собственной жизни определяется тем, как мы определяем свое место в рамках целого, как мы обретаем в нем основы истории и ее цель» [3].

При определенных различиях рассмотрения этого феномена общим и в том, и в другом определении является то, что лишь историческое сознание способно придать осмысленность нашему существованию, разъяснить нам происходящее и дать определенную основу нашим прогнозам на будущее. При этом отмечается, что формы этого сознания складываются не только под воздействием науки, но и стихийно. То есть осознание нами исторического процесса или, точнее говоря, истории (которая в сознании не-историка может процессом и не быть) происходит в том числе и через формирование определенных исторических представлений. Кроме того, и само наше настоящее оказывает воздействие на восприятие прошлого, изменяя оценки и расставляя приоритеты. Наша недавняя история служит тому хорошей иллюстрацией. Также мы можем предположить, что историческое сознание, по крайней мере, на быденном уровне, являет собой совокупность более или менее связанных между собой исторических представлений.

Одной из особенностей современности является активное участие широких масс в формировании исторических представлений. Как отмечают И.М. Савельева и А.В. Полетаев, «выяснилось, что, несмотря на существование всеохватывающей системы школьного образования, которая по идее должна служить инструментом трансляции научных знаний в общество, массовые представления о прошлом сильно отличаются от профессиональных» [4, 7]. Казалось бы, это обстоятельство противоречит постмодернистскому тезису «о

власти историографических дискурсов, которые утверждают “нужные” представления в качестве официальной “памяти общества” [4, 54]. Однако осмысление и последствия этого оказались вполне «постмодернистскими». Как утверждают те же И.М. Савельева и А.В. Полетаев, «тезис о «монополизации исторической памяти» активизировал, в частности, стремление «непосвященных» к стиранию граней между профессиональным и массовым историческим знанием, стимулировал попытки «уравнять в правах» на конструирование прошлого профессиональных историков, дилетантов и даже – широкие массы (трудящихся)» [4]. Об этом же пишет и А. Мегилл: «...обучение детей истории своей страны, издание популярных книг по истории своей страны, проведение комеморативных мероприятий и выпуск исторически-ориентированных художественных произведений и фильмов – создают эффект, выгодный группе», причем «все эти репрезентации прошлого эпистемологически сомнительны» [5, 60]. Тем не менее, американский историк справедливо отмечает, что «в разных контекстах прошлое репрезентировано разными способами и с разными целями. При этом профессиональная историография, т.е. историография, пополняющая историческую дисциплину новыми знаниями, составляет только небольшую часть общих репрезентаций прошлого. Кроме нее существуют социальная память, эстетические репрезентации (например, кинофильмы) и популярная историография» [5, 53].

На вопрос, а возможно ли в таком случае формирование научного мировоззрения в процессе преподавания истории, мы можем ответить, что, на наш взгляд, да, возможно. Ярким примером является построение курса истории в советской школе, который, несмотря на абсолютизацию формационного подхода, развивал и научное, критическое отношение к историческому процессу, представляя его именно как процесс, как совокупность взаимообусловленных событий.

В конечном итоге главной задачей является необходимость найти баланс между научностью и так называемой «согласованностью» в содержании исторического образования. Таким образом, мы приходим к выводу о необходимости формирования определенной согласованной картины исторического прошлого, которую мы могли бы представить для ее дальнейшей ретрансляции в школьном историческом образовании. Само научное историческое сообщество не может в одиночку создать такой баланс в силу своей специфики (различные научные школы, подходы, научный поиск, дискуссии). Следовательно, базу согласования, социальный заказ должны формировать политические элиты, а задача научного сообщества применительно к школьному историческому образованию – сформулировать в соответствии с предъявленными требованиями, возможно, более непротиворечивую и научную презентацию прошлого.

#### Список литературы

- 1 Декларация принципов толерантности. Утверждена резолюцией 5.61 генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года. URL: <http://www.tolerance.ru/declar.html>
- 2 Ракитов А. И. Историческое познание: системно-гносеологический подход. Москва, 1982. С. 52.
- 3 Ясперс К. Смысл и назначение истории. Москва, 1991. С. 271-275.
- 4 Савельева И. М., Полетаев А. В. Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю. Москва, 2008.
- 5 Мегилл А. Некоторые соображения о проблеме истинностной оценки репрезентации прошлого // Эпистемология & философия науки. Т. XV. № 1. Москва, 2008.

#### References

- 1 Deklaraciya principov tolerantnosti. Utverzhdena rezolyuciej 5.61 general'noj konferencii YUNESKO ot 16 noyabrya 1995 goda. <http://www.tolerance.ru/declar.html>
- 2 Rakitov A.I. Istoricheskoe poznanie: sistemno-gnoseologicheskij podhod. – M., 1982. – S. 52.
- 3 Yaspers K. Smysl i naznachenie istorii. – M., 1991. – S. 271-275.
- 4 Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Social'nye predstavleniya o proshlom, Ill Znayut li amerikancy istoriyu. – M., 2008.
- 5 Megill A. Nekotorye soobrazheniya o probleme istinnostnoj ocenki reprezentacii proshlogo // Epistemologiya & filosofiya nauk. T. XV. № 1. – M., 2008.